

Кэтрин Мальфитано о своей страсти к музыкальному театру, опере на ТВ и о своем прохладном отношении к индустрии грамзаписи

"ОПЕРА ДОЛЖНА ПРИВОДИТЬ В СМЯТЕНИЕ"

Окно в Европу (прил. к газ. Мариинский театр), - 1993. - окт. - с. 8

Ей нужны сложные театральные задачи, она стремится к риску. Американская певица Кэтрин Мальфитано принадлежит к числу тех исполнителей, для которых сценическое напряжение и правдоподобие так же важны, как и совершенство звука.

Кэтрин Мальфитано, должно быть, мечта всех режиссеров: для американской певицы, которая уже в ранние годы сделала карьеру на сценах Нового и Старого Света, опера - не более, но и ни на йоту не менее, чем напряженный, живой музыкальный театр, который не отрицает пьесу, но и не сводит ее к костюмированному действу. "Опера в известном смысле - развлечение, возможность бегства от страшных сторон жизни, но она также несет в себе вечные ценности и смыслы. Возьмите такую вещь, как "Саломея" - она должна каждый раз потрясать заново. Если зрители говорят друг другу: "Славная постановка, ну, где будем ужинать?" - значит, что-то не так. Опера должна даже приводить в смятение, как когда вы читаете в газете об убийце-маньяке или о семейной драме. Это подобного рода история". Опера "в древнем греческом смысле" должна вызывать катарсис, в это Кэтрин Мальфитано твердо верит и после двадцати лет своей карьеры.

Кэтрин Мальфитано дебютировала в 1972 году в Сентрал-Сити, Колорадо, в роли Наннетты. Но уже тем же летом она пела в современной американской опере ("Темное окно"). Эти два направления - классический репертуар и современные или почти не ставившиеся оперы - и до сегодняшнего дня проходят через всю ее карьеру. Сюзанна, Мими, Тоска, Баттерфляй с одной стороны, Лулу или Грета ("Дальний звон" Шрекера) с другой. Так, в конце октября прошлого года в чикагском театре Лирик Опера Кэтрин Мальфитано создала женственный образ главной героини в вышедшей большой интерес премьеры новейшей оперы Уильяма Болкома "Мактиг" по повести Фрэнка Норриса. В ней уживаются контрасты, и они словно служат для американской певицы аккумулятором сценической энергии. Однажды ей даже пришлось сначала преодолеть сопротивление Джузеппе Синополи незадолго до их совместной постановки "Мадам Баттерфляй" в Берлине, чтобы спеть в Мюнхене Лулу Альбана Берга. Успех доказал ее правоту, и maestro благословил ее, покачивая головой: "Иди и дальше своим путем".

"МОЯ ТВОРЧЕСКАЯ МАНЕРА СМУЩАЕТ МНОГИХ"

Этот путь далеко не всегда был удобной "улицей счастья". Конечно, его облегчали успехи в крупных ролях известных опер, но в конечном счете заговорить о Кэтрин Мальфитано от Нью-Йорка до Лондона и Зальцбурга заставила ее напряженная работа на сцене, ее страстная самоотдача в каждой роли: шаг за шагом Кэтрин Мальфитано завоевывала свое реноме ролями, требующими большего, чем голосовая акробатика. Ее всегда в первую очередь влекут сложные характеры, часто образы сломленных женщин, роли, с которыми невозможно "разделаться" парой эффектных жестов рукой. Восторженный триумф постановки "Дальнего звона" Шрекера в венской Штаатсопер два года назад в значительной степени - результат ее работы над своей ролью: Грета Кэтрин Мальфитано остается в памяти, ее неутомимый жизненный путь от крестьянской девицы, ставшей пленительной обольщающей дамой полусвета, к постаревшей, сломленной физически и духовно женщине. "Ожидание, ожидание любви, но ничего не происходит", - говорит она о печальной судьбе Греты. Ее исполнению даже оказалось в конечном итоге под силу заполнить музыкальные пробелы Шрекера ("неровное произведение, но в нем есть великие моменты"). Певица - и страстная актриса: "Это у меня в крови, - говорит она, смеясь. - Сегодня певец должен быть не просто "singing machine" (поющей машиной), зритель хочет видеть людей, которые выглядят и действуют правдоподобно. Это вызвано не в последнюю очередь трансляцией опер по телевидению".

На это, конечно, можно возразить, что в трансляции опера представляет собой не что иное, как сценическое пение в камеру. "Да, но есть противоположные примеры полнокровных постановок, где пение и действие дополняют друг друга. Их и в театрах появляется все больше и больше. Ведь оперой заинтересовались также режиссеры, как Бонди, Шеро и Штайн. Многих режиссеров также манит возможность создать настоящий крупный музыкальный театр. Делать оперу, а не просто концерт в костюме".

Некоторые ее коллеги снимаются в детективных фильмах. Может быть, и Кэтрин Мальфитано мы когда-нибудь увидим на голубом экране или в кино? "О, в этом плане у меня совершенно безумные мечты! Мне бы очень хотелось сняться в каком-нибудь

фильме. Роберт Элтман поставил осенью в Чикаго "Мактига" - кто знает, часто случаются невероятные вещи... На кончике языка вертится вопрос: не стала ли вся оперная работа после двадцати лет завоеванной самобытности вызывать своего рода скуку? - "Я очень люблю музыку, но было время, когда я серьезно думала о том, чтобы оставить пение и работать актрисой". Я несколько удивленно хмурю лоб, и Кэтрин Мальфитано говорит в ответ: "Наверное, это потому, что мне тогда приходилось участвовать в многочисленных постановках режиссеров, чьи драматические концепции и идеи были мне чужды. Это было не то, что я искала. Но тогда в Метрополитен Опера была забастовка, и я не пела в течение месяцев. Однако я использовала это время: брала уроки актерского мастерства, посещала различные студии. За это время, оставшись вне оперы, я почувствовала, насколько мне не хватало пения. Я в самом деле поющая актриса".

"МНОГИЕ ДИРИЖЕРЫ ХОТЯТ БЫТЬ ДИКТАТОРАМИ"

Так что же, в конечном счете, является стимулом взяться за роль: ее музыкальное содержание или психологическая сценическая задача? Ответ следует без колебаний: "И то и другое. Мне нужно, чтобы роль открывала широкий горизонт, отчасти и для того, чтобы поразмышлять о том, кто я есть. Сегодня я знаю это гораздо лучше, чем двадцать лет назад". Значит, от Сервилли к Саломее? "Сервилли едва ли соответствует моему характеру, - возражает Кэтрин Мальфитано, смеясь, - скорее это была удача в плане карьеры - работать в Зальцбурге с Жан-Пьером Поннелем и Джимми Ливайном. Меня уже тогда привлекали такие роли, как Баттерфляй, Тоска и Саломея. Но вокруг меня были люди, которые советовали: "Кэтрин, не торопись". Так молодая певица избежала чреватых последствиями ложных шагов, не замыкаясь, однако, из робости в узко ограниченном репертуаре. "Я никогда не позволяла себе ограничиваться немногими партиями. Даже если это затрудняло карьеру. В какой-то момент, например, я могла бы специализироваться на французском репертуаре. Дру-

гие концентрируются на Россини, на Верди, я же, напротив, совершенно сознательно пошла по более трудному пути. Меня постоянно привлекали очень разные музыкальные стили. Задолго до того, как я начала петь, я слышала своего отца - он был скрипачом в Мет-Оркестре, - игравшего разные вещи: старинную музыку, современные пьесы. И для меня было совершенно естественно учить Россини, а вслед за тем Берга. На вопрос, не вызывает ли порой раздражение ее творческое самоощущение и ее самоуверенность, Кэтрин Мальфитано отвечает: "О, да! Моя творческая манера смущает многих". Не в последнюю очередь, вероятно, руководителей фирм грамзаписи... "Да, они трудом понимают мой путь..." В беседе она с усмешкой бросает слово "бунтарка": "Я готова рисковать и дальше".

Риск, "the big challenges" (дерзкие задачи) всегда привлекали Кэтрин Мальфитано. Сложные задачи, - часть ее природы как свет и движение. Благодаря им она росла. "Я люблю взбираться на большие горы". Рассчитанным риском, например, были три женские роли, которые она сделала вместе с Поннелем и Ливайном в 1981 году в небезопасной атмосфере Зальцбургского фестиваля. Они удались Мальфитано, так же как и ее "горная вылазка" четыре года спустя - ее первая Лулу в Мюнхене. Свой последний по времени спортивный и творческий экзамен она выдержала прошлым летом: ей пришлось прыгнуть с башни замка Сант-Андреоло в зияющую бездну, дебютируя в "Тоске" Пуччини, снимавшейся в Риме на подлинных местах событий и транслировавшейся по телевидению на весь мир как уникальное шоу. Никогда еще Тоска не спасалась бегством от сыщиков Скарпино и не бросалась в бездну столь зрелищно и перед столь многочисленной публикой. Эта чудовищная и безумно дорогая постановка вызвала все что угодно, кроме вдохновения. Однако именно оно все еще светится месяца спустя в глазах Флорини Тоски, когда она рассказывает об этом волнующем опыте, о проблемах прямой трансляции без просмотра записи и возможности корректировки, о напряжении и об опасении технических неполадок - ведь у нее не было никакого зрительного контакта с дирижером и оркестром, находившимися на расстоянии нескольких километров от нее. Но отступить Кэтрин Мальфитано было некуда, и она мужественно прыгнула в пустоту. Сегодня она довольна этой записью: "Это новый вид видео-оперы, который по своей реалистичности превосходит фильм-оперу".

"НИЧТО НЕ МОЖЕТ ЗАМЕНИТЬ ТЕАТР"

Однако, несмотря на этот "exciting experience" (волнующий опыт), Кэтрин Мальфитано по-прежнему более всего увлечена театром. "Я люблю в театре процесс роста, но для этого нужен демократический дух, позволяющий достичь общей фантастической цели. А это удается далеко не всегда. Лучшие из режиссеров любят работать с певцами, которые сами предлагают те или иные постановочные идеи. Люк Бонди, например, любит диалог, в котором певцы привлекают свой собственный жизненный опыт. И он не впадает в комплексы, если что-то исходит не от него. С дирижерами обычно намного труднее, многие из них хотят быть диктаторами. Любой дирижер, читая эту беседу, подумает: "Она не признает никаких авторитетов". Однако авторитет в театре не интересен. И дирижер, и режиссер должны принимать решения, но в процессе совместной работы. Это важно. И если певец или певица не чувствует себя на равных, невозможно никакая выдающаяся постановка. Так же обстоит дело и в экономике, в том числе в крупных концертах. Лучшие руководители те, кто позволяет каждому почувствовать себя участником процесса принятия решения". Дирижером это часто намного труднее, чем режиссером, добавляет Кэтрин Мальфитано. Она сравнивает его со школьным учителем, но сразу же прибавляет, что, к счастью, есть дирижеры, которые от певца и певцов, с которыми они работают, добиваются лучшего, на что они способны, Дюханьян, например, или Ливайн. "Но у них еще и оркестр, и они должны собрать все воедино. Это психологически непросто. Хороший дирижер должен быть хорошим психологом".

"Я ГОТОВА РИСКОВАТЬ И ДАЛЬШЕ"

Дискография Кэтрин Мальфитано отнюдь не обширна. Есть некоторое количество записей, "Ромео и Джульетта", например, совместно с Альфредо Краусом, но список выглядит исключительно скромным. Почему? "Политика у фирм грамзаписи очень простая: они хотят лишь определенных певца и певцов. А я не из тех, кого они хотят. Есть много великих исполнителей, чье искусство скудно документировано в записях, но которые сделали тем не менее большую карьеру (Тереса Стратас, например), и, наоборот, есть певцы, которые записывают в студии то, что они никогда не стали бы петь на сцене. Это не имеет для меня никакого смысла. Записи, безусловно, могут быть замечательными документами, но ничто не может заменить театра". При всей рассудительности здесь звучит обиженная, немного грустная нотка: "Конечно, я бы хотела записать те роли, в которых я сейчас выступаю на сцене. Но есть, по крайней мере, мои дебюты в роли Тоски и Саломеи на видео". Однако серьезное выражение быстро исчезает с лица Кэтрин Мальфитано, радость и гордость за свои возможности берет верх: "Я очень счастлива. Я не могла бы желать большего: я способна осуществлять свои мечты".

Андреа МОЙЛИ

(Журнал "Музыка и театр")

Перевод с немецкого Юлиана ТИССЕНА